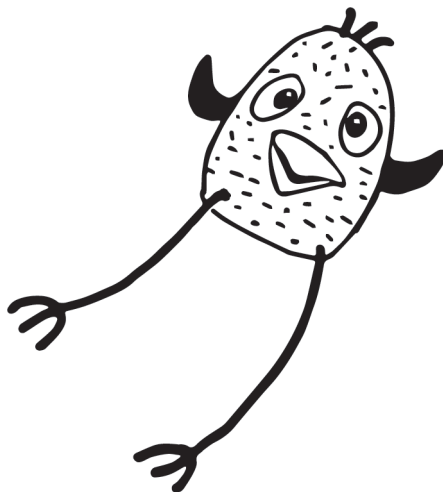

Начало

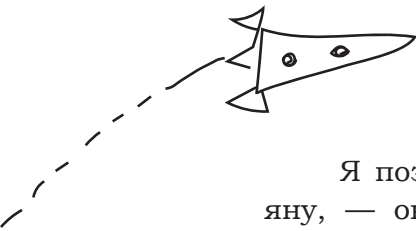
Бред. Невозможно — так я отнеслась к этому вначале. Очень хорошо помню тот день, когда увидела объявление на Первом канале: стартует отбор актрис на роль в фильме «Вызов», съемки которого будут проходить в космосе. Режиссер фильма — Клим Шипенко. Я подумала: «Господи, еще одно шоу. Вероятно, будут снимать в павильонах». У меня ни на сотую, ни даже на тысячную долю процента не возникло ощущения, что это правда. Да ладно, думаю, бред!

Потом мне позвонила Лиза, президент моего фонда «Галчонок», и сказала: «Пересильд, тебе надо лететь в космос! Галчонка с собой возьмешь, символ фонда. Будешь хорошим примером для наших особенных детей, покажешь им, что невозможное возможно».

Начало

5

Я позвонила моему знакомому, Эдуарду Илояну, — он возглавляет продюсерскую компанию «Start», которая должна была снимать «Вызов». Уточнила, правда ли все это, и спросила, могу ли я хотя бы пройти медкомиссию. Дальше, абсолютно не веря в то, что все это происходит на самом деле, я, как и другие участницы, подала заявку: требовалось записать на видео, как я читаю письмо Татьяны из «Евгения Онегина». После того как я отправила запись, прошло четыре месяца, но мне так никто и не ответил. И я уже ничего не ждала.

7 марта мне позвонили и сказали, что нужно ехать на медкомиссию (спасибо Эдуарду Илояну, который вспомнил обо мне и моей просьбе). Для меня это был шок. На тот момент я решила, что в проект меня уже не пригласят. Я была в Грузии, на съемках — оставался крайний съемочный день. И вечером, накануне, когда я была в гостях у моих прекрасных грузинских друзей, пришла благая весть: мне нужно проходить медотбор в космос. Неожиданно. Волнительно. Странно. Да, вроде бы я сама всего этого хотела, сама подавала заявку. Но все равно неожиданно — и неожиданным теперь будет каждый новый день. Каждый новый день будет приносить сюрпризы. 7 марта — день, который надо запомнить.

Начались телефонные переговоры: от меня требовали, чтобы я отменила съемки в «Солнечной

6

Юлия Пересильд. «Это космос, детка!»

линии» у Бориса Хлебникова, отменила все спектакли и начала проходить отбор в проект. Конечно, никакие съемки и спектакли я не отменила, ибо не могла подвести своих коллег. Поэтому градус этих разговоров был высок. Я привыкла жить в сумасшедшем ритме, в постоянном нервном напряжении. Но с момента, как космос ворвался в мою жизнь, накал страстей дошел до предела. А тут еще по телевизору шла «Угрюм-река», фильм обсуждали, равнодушных не осталось. Было много отзывов, и восторженных, ну и других, конечно, тоже.

После Грузии я сыграла десять спектаклей подряд. А еще столько дел дома... Впереди маячил отбор. Нужно было строить какие-то планы, но как их строить — было вообще непонятно. Незнание. Впереди была полная неизвестность.

Помню бесконечные истеричные разговоры, выяснения, состоится ли моя встреча с экипажем Олега Новицкого, который улетал на МКС в апреле, — продюсеры заранее предупредили, что без нее вероятность участия в проекте — нулевая. Тогда я впервые в своей жизни решилась на отмену съемочного дня — у Бориса Хлебникова. И вдруг накануне мне говорят, что встречаться с экипажем будет другая актриса — так решил Клим Шипенко.

Прошло всего двадцать дней с того момента, как мне сообщили, что я участвую в проекте, еще

даже не начался отбор, а было уже очень нервно! И я поняла, что в этой ситуации меня спасет только одно — встреча с моим Мастером, руководителем нашего курса в ГИТИСе Олегом Львовичем Кудряшовым, и моими любимыми однокурсниками. Что нам надо просто сесть за стол, обняться, нацеловаться...

27 марта — День театра. Мне кажется, мы никогда раньше не отмечали этот праздник, собираясь вместе за одним столом. Все приехали ко мне домой: Паша Акимкин, Лена Николаева, Наташа Ноздрина, Олег Савцов, Рома Шаляпин, Женя Ткачук и даже Мастер, что бывает крайне редко! Из Грузии я привезла вино и чачу. Мои дочери, Аня и Маша, приготовили хачапури — они сами научились этому. Мы заказали из грузинского ресторана полный стол еды, и скатерть тоже была из Грузии!

27 марта мы отметили День театра за все те годы, когда мы его не отмечали. Я, конечно, знала, что никто из моих друзей не будет болтать, поэтому сказала им, что буду проходить отбор. Мы смеялись, пили вино... Разошлись около шести утра.

На следующий день, 28 марта, у меня была фотосессия, а 29 марта начался отбор в ЦПК — Центре подготовки космонавтов.

Первый день в ЦПК

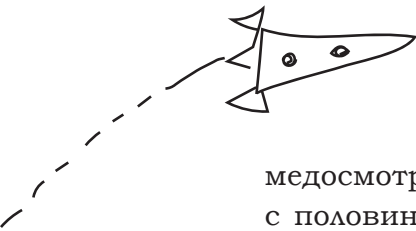
29 марта 2021 года — этот день помню поминутно. Во-первых, это день рождения двух очень важных в моей жизни людей — моего Мастера, Олега Львовича Кудряшова, и Станислава Сергеевича Говорухина — для меня совершенно особенная дата.

Я ехала два с половиной часа до Центра подготовки космонавтов в Звездном городке. Очень нервничала и даже злилась, ибо после тяжелых, нервных съемок в Грузии, после нескольких спектаклей подряд, после бурного отмечания Дня театра — абсолютно разбитая, ненакрашенная, направлялась туда, где следовало быть здоровой, красивой и полной сил. Куда? На кастинг и

Первый день в ЦПК

9

медосмотр для допуска к участию в проекте. Два с половиной часа я внушала себе, что смогу, что вот сейчас выйду из машины — и силы появятся. Не внушила, не появились.

Я вышла и подумала: «Буду относиться к этому как к важному опыту. Я просто наблюдаю за совершенно новым для меня миром, людьми, традициями, знакомясь с новыми правилами игры. Короче говоря: попробую быть собой, не актрисой из Театра Наций, не звездой с экрана, а просто девочкой из Пскова».

Надо сказать, выросла я совсем не в тепличных условиях, и эта закалка меня никогда не подводила, не подвела и тогда. Но об этом я узнаю еще очень и очень нескоро. А пока меня встречает Леша Спектор — начальник отдела организации подготовки ЦПК, но кто он такой, я узнаю чуть позже. Вообще (маленькое лирическое отступление) я обо всем и обо всех узнаю чуть позже — нет, много позже. Сейчас я белый лист, пустой сосуд и еду с распахнутым сердцем в новый мир. Буквально — новый мир. Я попадаю в место, напоминающее мне кадры из советских фильмов.

Заходим в медкорпус. Длинные коридоры. Много девочек-претенденток, все красивые, накрашенные, приветливые. Всем интересно, кто что спрашивал, кто чего боится, кто верит, кто не

верит, что все происходящее — правда. Все бегают, кругом суета. Какие-то люди с камерами — кто это, я тоже пойму позже. Меня сразу «опетличили», то есть надели микрофон, и сказали, что будут снимать. Я даже не успела толком ничего возразить, как все началось.

Ко мне «прикрепили» медсестру Инну, красивую женщину с добрыми и грустными глазами. Первый осмотр, первый кабинет, терапевт Марина Эдуардовна — взрослая статная женщина с прической, покрашенная. Строгим (поначалу) голосом:

— Фамилия, имя, отчество?

«Ого, — подумала я, — вот так? Ну, окей».

— Пересильд Юлия Сергеевна.

— Год рождения?

— Ноль пятое ноль девятое восемьдесят четвертого.

Еще вопросы... Я смотрю на нее и думаю: «А когда мы просто поговорим, без этих формальностей?»

— Вредные привычки?

— Имеются.

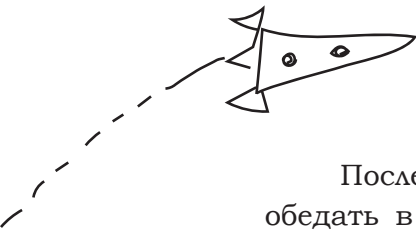
Она сделала паузу, улыбнулась, понимая, что я шучу. Наклонилась ко мне и спросила:

— Количество?

— Минимальное.

— Тогда пишем: «Нет».

После приема врача мы с девочками пошли обедать в столовую... Это, конечно, были те еще впечатления. Абсолютно советская столовая, какие раньше были в детском саду, в моей школе, когда-то давно, в далеком городе Пскове. Кусочек масла, кусочек хлеба, очень вкусная каша, бутерброды... Ностальгия...

Сидим за столом, разговариваем только об одном: «Как вы думаете, это реально? Это может произойти? Или это просто какое-то одно большое шоу, правила которого мы пока совсем-совсем не знаем?»

Честно — я не очень была уверена, что пройду дальше. Каждый день думала, что сегодня — мой последний день в проекте. Конечно, мне хотелось пройти отбор, было бы странно, если бы мне этого не хотелось: ради участия я отказалась от главных ролей в трех полнометражных фильмах, от главной роли в театре. Мне тогда поступало много классных предложений от интересных режиссеров. И меня разрывало на части: с одной стороны, неизвестно было, пройду ли я отбор, состоится ли вообще этот проект и не розыгрыш ли все это. С другой стороны — спектакли, гастролы, интересные предложения в кино, а ведь это, в том числе, и мой заработок. А если меня примут в «Вызов», я должна буду отказаться на три

месяца (а в результате оказалось — почти на год) от работы, от того, что приносит деньги. То есть в тот момент мне нужно было сказать всем этим предложениям «нет» и шагнуть в неизвестность.

Это был тяжелый период, я много нервничала, переживала. Как это так — отказаться от всего? Дети спрашивают: «Мама, куда мы поедем летом? Как мы проведем отпуск?» Вся семья смотрит на тебя как на сумасшедшую, которая все время где-то пропадает: утром уезжает, вечером возвращается. А как жить дальше? Какие планы? Я ведь не одинокий человек, от меня зависят многие: мама, папа, дети, собака, няня... Любой съёмочной группе заранее, за несколько месяцев до начала проекта, нужен ответ, будешь ты сниматься или нет. А театру необходимо продавать билеты на спектакли и нужно знать, играем мы в мае или в июне или нет. Все спрашивают: «Что будет?» А я не знаю, что будет.

Ощущение неизвестности длилось достаточно долго, и это был очень неприятный период. Каждый день мне звонили из театра или из кино с предложениями, и все время приходилось говорить: «Нет, я не смогу». А сама я в это время думала: «С чего ты взяла, что не сможешь? Может быть, сможешь». Но приходилось отказываться. Хотя тогда о моих перспективах, в случае если

я пройду кастинг в «Вызов», никто со мной серьезных разговоров не вел. Я не знала, как будут развиваться события дальше, что меня ждет. На любой мой вопрос, что будет, если я пройду, мне отвечали: «Сначала пройди». И, конечно, эта неизвестность еще больше разжигала желание пройти. Внутренний выбор был сделан.

Каждый день я вставала в 5:30 утра, чтобы успеть приготовить детям завтрак, собраться, привести в порядок мысли, и отправлялась в Звездный городок. Сил и энергии было много. Пыталась успевать все и сразу.

Я часто вспоминала о съемках в Грузии. Что за удивительный это был период жизни! Очень нервные съемки, обиды, недопонимания, ссоры, но такая красота вокруг... Думаю, этот энергетический заряд очень помог мне выдержать испытание космосом. От съемок — два полнометражных фильма подряд, «Нина» и «Солнечная линия», — я уже пришла в себя и думала, что наконец смогу выдохнуть, ждала, что появится свободное время для накопления идей и мыслей.

Мне хотелось передышки и расслабления, однако я предчувствовала, что это произойдет нескоро, хотя... Каждый день был шанс вылететь с проекта. Это я тоже понимала. Обидно, досадно, если со мной не случится космическое приключе-

ние. Шансов было мало, но почему-то я упорно верила в успех.

Блин, мне тридцать шесть. У меня двое детей. Здоровье? Да фиг его знает. Я его никогда не проверяла. Все мои врачи — акушеры-гинекологи. Я не практикую ЗОЖ, мало сплю, работаю как лошадь, курю. Вот зачем я начала курить? Бред. В тридцать три года, выпуская спектакль «Гроза-гроза», я закурила на сцене. Катерина меня внутренне испепеляла. Помню, как вышла с прогона, купила пачку сигарет и, пока шла пешком до «Белорусской», выкурила ее целиком. Всё, начала курить. До этого запах сигарет вызывал у меня рвотный рефлекс. Терпела, когда курят рядом, но не могла даже представить, что возьмусь за это сама. Смешно. Ладно, надо завязывать.

Нет, мне не пройти врачей. А внутри уже все кипит: «Как так, я не прошла?! Не смогла?! Нет, так не может быть! Я слишком этого хочу! Надо пройти, надо преодолеть! Дело принципа!» Я чувствую, что на меня не делают ставку. Вот это и разжигает силы! С экипажем встретиться не дали, значит, в меня не верят. Люблю, когда в меня не верят. Это дает много энергии. Посмотрим.

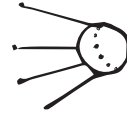

Волынка

5 апреля начался самый сложный этап отбора — в Волынской больнице. Я — в третьей группе претенденток, первые две прошли испытания на пару недель раньше. Поэтому я уже заранее знала, что Волынка — это жесть. Многие ее не прошли.

Я оказываюсь в палате вдвоем с одной из девочек-претенденток, хотя знаю, что другие из нашей группы лежали в отдельных палатах. Бешусь, злюсь. Очень хочется послать кого-нибудь на три заветных буквы. Но вместо этого иду гулять по территории больницы, в бешенстве прохожу тринадцать километров и возвращаюсь. Параллельно пью ужасающую, блевотную жидкость для колоноскопии. Утром было огромное количество обследований: кровь, МРТ всех видов, КТ, гинекологи, неврологи, гастроэнтерологи, УЗИ, рентгены... Бесконечные хождения по

кабинетам, бесконечные телефонные разговоры с моим директором Наташей...

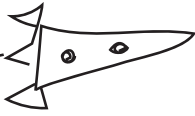
С нами Татьяна Ивановна, интеллигентная взрослая женщина. Она внимательно меня изучает. Я изучаю ее. Мне скрывать нечего. Думаю, она это чувствует.

Ночь перед исследованием. Мы с девочкой, с которой до этого и дня не были знакомы, по очереди бегаем в туалет — чистит нас жестко. Болтаем о чем-то несерьезном... Она спортивная, здоровая и много мне об этом рассказывает. Я смотрю на нее, куксюсь. Ничем таким спортивным, сильным, здоровым я похвастаться не могу. Моя работа — в другом. Это бесконечное нервное потребление самой себя.

Ладно. Начинаю смотреть сериал «Хэппи-энд». Смотрю всю ночь — не спится. Плохо, тошнит. Болит живот, крутит. Терпим.

Утром моей соседке вдруг сообщают, что она не прошла. В палате повисает напряженная тишина. Я готова провалиться сквозь землю. На самом деле я в принципе ненавижу соревнования — плохо чувствую себя и когда побеждаю, и когда проигрываю. А сейчас вижу, как она переживает, нервничает, пытается что-то изменить. Пытаюсь договориться, чтобы ей хотя бы сделали те процедуры, к которым мы так тяжело готовились. Но нет, Татьяна Ивановна говорит мне, что

так не выйдет. Мне дают понять, что я здесь на птичьих правах. Девочка собирает вещи и уезжает. Я остаюсь.

9 апреля я прошла Волынку. Начался новый этап отбора — теперь в ЦПК. Там каждый день, до вечера, над нами проводили какие-то эксперименты. Для космонавтов, для профессионалов этот процесс привычен, они понимают, для чего он и зачем. А я чувствовала себя подопытной белой мышью. Меня сажали на какие-то тренажеры — сейчас я уже знаю их названия, но тогда я увидела их первый раз в жизни. Я первый раз в жизни проходила гипоксические тренировки, испытания на центрифуге, на вестибулярном кресле. Было полное ощущение, что я пожертвовала саму себя для какого-то эксперимента, о котором мне никто ничего не рассказывает. И самое главное — никто не знает, чем это все закончится, по крайней мере я тогда вообще не имела об этом представления. Даже не знала, насколько далеко все пойдет. Но, как ни странно, моя профессия позволила мне перенести этот эксперимент достаточно легко — я все время наблюдала за тем, что происходит, будто со стороны, отслеживала, что я чувствую. Люблю наблюдать за собой — поэтому одним из самых интересных испытаний для меня оказалась проверка у психологов.

Психологи

Я вообще считаю, что аппарат, на котором нас проверяли у психологов, нужно внедрить в две области — в театральные институты, для будущих артистов, а также среди людей, которые собираются работать с детьми в детских садах, школах, интернатах. Я говорю это и в шутку, и всерьез.

Проверка была такая: садишься в кресло перед монитором, на котором показывают райскую картинку — море, пальмы, звучит расслабляющая

